

**БОЕЦ,
ПУБЛИЦИСТ,
УЧЕНЫЙ**

А. ОВЧАРЕНКО

вестно, как убежденно, страстно он проводил политику партии в искусстве.

Велики заслуги Луначарского перед советской литературой.

Умение радоваться успеху писателя или, как однажды сказал сам Луначарский, умение, отнюдь не впадая в добродушие и попустительское, быть объективным и доброжелательным позволяло ему в ожесточенной литературной борьбе двадцатых годов правдиво относиться к явлениям художественного творчества. Он по достоинству ценил произведения писателей, принадлежавших к самым разным литературным направлениям, — Маяковского, Асеева, Есенина, Леонаова, Федина, Сейфуллиной. Он был бесконечно тронут, узнав о желании Фурманова увидеть собрание своих сочинений с предисловием Луначарского. Поднимаясь над теми, кто не принимал Фурманова за «недостаточно художественность», Багрицкого за «недостаточно революционную недостаточность», Леонаова «за стихийное восприятие революции», Серафимовича «за консерватизм формы» и т. д., Луначарский называл в 1927 году в числе лучших десяти произведений, созданных при Советской власти, «Железный поток», «Чапаева», «Мятеж», «Цемент», «Неделю», «Думу про Опанаса», «Сидели» и поэмы Маяковского, Тихонова. Исключительно высокую оценку дал он «Разговор» А. Фадеева, а прочитав первый том «Тихого Дона», сказал: «Это произведение напоминает лучшие явления русской литературы всех времен». Луначарскому принадлежал наиболее глубокий отзыв о «Жизни Климата Самгина», сохраняет большую ценность работа «Вл. Маяковский-новатор».

ПОДЧЕРКОВАЯ, что сформулированный Лениным «основной принцип партийности литературы, служащей делу социалистического переустройства мира, в настоящее время так же актуален, как и развернутая в статье жесточайшая критика буржуазной литературы, как и пламенная характеристика будущей социалистической литературы, служащей миллионам и десяткам миллионов трудящихся», — Луначарский последовательно выступал убежденным поборником нового искусства, которому свойственны и суровый реализм, и крылатая романтика; искусства, смело использующего и реалистические приемы изображения, и «стилизующие», «условные», но неизменно стремящегося как можно глубже и ярче раскрывать правду жизни. Наше искусство, говорил он, исключает всякие фальсификации, односторонность, иллюстративность, «фальшивые жесты» и фальшивые слова. «Бывает», — замечал Луначарский, — «что, когда беллетрист дает нам реальный портрет какого-нибудь реального жизненного типа, раздается возглас: нет, это непохоже! На что непохоже? А непохоже на заранее составленную говорящим схему. Такой подход к литературе ничего, кроме вреда, ей не принесет. Художник должен быть колоссально правдив и брать свои образы из жизни. Всякий писатель, который подменяет жизненный образ надуманным, является лицеом и предателем по отношению к партии. Еще раз повторяю: художник должен быть абсолютно правдив».

С такой же четкостью говорил Луначарский о том, что абсолютная правдивость не может быть достигнута, если писатель идет на поводу у событий, у героев. Удовлетворяясь частностями, можно разминуться с большой правдой дня и века, «обойти гигантские запросы». Все эти положения нашли углубленное развитие в статьях Луначарского о социалистическом реализме.

Неизгладимый след в развитии искусства оставил Луначарский — теоретик, литературный, театральный, музыкальный критик. Не должен быть он забыт и как один из первых советских драматургов. В драматургическом наследии Луначарского, написавшего 28 пьес, есть произведения, самым автором позднее признанные, либо художественно слабыми, либо малозначительными по содержанию и потому «не заслуживающими переиздания» или сценического воплощения. На отдельных пьесах губительно сказалось махистско-богдановское влияние. Но перу Луначарского принадлежали и произведения, высоко ценившиеся как театральными зрителями, так и крупнейшими мастерами культуры. Закономерный успех имели и «Королевский брадобрей» и «Фауст» и «Горский» и «Канцлер и Сяхот», и «Освобожденный Дон Кихот». Созданные на историческом материале, они воспринимались зрителем как животрещающие современные пьесы. Это были, пожалуй, первые опыты советской литературы в жанре философско-интеллектуальной драмы, драмы, основанной на столкновении политических, философских, социальных идей, целых мировоззрений, «взятых» в широком историческом масштабе.

Пламенным революционером, строителем нового мира был Луначарский, отдавший всю свою жизнь, весь свой яркий талант делу коммунизма. Необыкновенная жизнь. Завидная судьба.

НЕОБЫКНОВЕННА жизнь, завидна судьба этого удивительного человека. «На редкость богато одаренная натура», — восхищенно сказал о нем Ленин. Влюбленный в философию, литературу, музыку, театр, живопись, архитектуру, Луначарский в шестнадцать лет завязывает связь с подпольным движением, в двадцать два года становится на путь профессионального революционера с общеобразовательными «вешками» — тюрьмой, ссылками, побегам, длительной эмиграцией. Он принимал самое активное участие в двух революциях, вошел в состав первого Советского правительства, возглавлявшегося Лениным, и в течение двенадцати лет неутомимо трудился на посту народного комиссара просвещения. Он стал одним из самых авторитетных деятелей нашей партии, нашего государства в области строительства новой культуры и выдающимся ее мастером.

Еще до Октября Луначарский завоевал широкую известность как публицист, теоретик и историк искусства, литературный критик, драматург, переводчик. В годы первой русской революции его политическая и литературная деятельность развивалась под непосредственным руководством Ленина. Сохранились замечательные ленинские письма. Они убеждают в том, что Владимир Ильич сыграл колоссальную роль в формировании Луначарского как убежденного сторонника пролетарской революции, последовательного марксиста, помогу преодолеть и серьезные идейные заблуждения (был момент, когда Луначарский поддавался влиянию реакционных теорий). «Это лучшее изображение для всякого пролетарского публициста», — говорил позднее Луначарский.

Совершив величайшую революцию и отстояв ее в огне ожесточенной гражданской войны, народы России с невиданным энтузиазмом бросились на штурм высот культуры. Как океанские волны непрерывно идут одна за другой, так шли лавиной люди, желавшие стать инженерами, агрономами, врачами, учителями, поэтами, музыкантами, артистами, скульпторами. Шли люди богатейшего жизненного опыта, неслышимой воли, легендарного мужества. Далеко не все они знали, что такое алгебра, кто такой Шекспир. Зато имя Луначарского слышали все. Оно стало для этих людей боевым паролем, вело на пункты боевуча, ликбеза, отсюда — в вечерние школы, затем — на рабфаки, в вузы, втузы, академии.

Вместе с растущим отрядом передовой интеллигенции народный комиссар просвещения практически осуществлял «дело введения пролетариата во владение, расклевывание перед ним мир искусства. Сложным лабиринтом многовековой культуры вел он своих слушателей, вел, как опытный проводник, вел, как мудрый учитель, владеющий несметными сокровищами. Перечитывая статьи Луначарского, его доклады, речи, лекции, письма, заметки, в которых он одновременно и открывал народу творчество величайших деятелей культуры, и давал марксистскую оценку этого творчества, и извлекал из него ресурсы, необходимые для строительства новой, социалистической культуры, — не устаешь поражаться, как он успевал все это делать! И в то же время понимаешь, что он не мог не делать всего этого. Необычайно разносторонняя одаренность сочеталась в нем с исключительной, жадной работоспособностью. Просматривая записные книжки Луначарского, почти физически ощущаешь, каким целеустремленным был этот человек, как умел он упиваться работой. Уже смертельно больной, он набрасывает планы все новых и новых статей, обширных монографий, систематизирует свои труды; его занимают мысли о Горьком и Д. Бедном, В. Маяковском и Е. Вахтангове, о К. Станиславском, Шиллере, Гёте, Шю, Прусте... Он пишет монографию о Фрэнсисе Бэкон... Анализирует взгляды Маркса и Энгельса на искусство... Завершает исследование «Ленин и литературоведение»... И записывает в дневнике: «Хочется работать». И снова: «Работать хочется...»

Работа давалась ему легко, слова лились свободно, сам процесс творчества доставлял высочайшее наслаждение. «Сегодня хорошо работалось» — вот высшая похвала самому себе, встречающаяся в его записных книжках.

Много сказано и написано о необычайной широте культурных интересов Луначарского, его чуткости ко всему действительно прекрасному. Не было, кажется, ни одного заметного революционного явления в области общественной и художественной мысли, которое он вовремя не заметил бы и не поддержал.

Горячо подддерживал мысль Ленина о том, что судьбы подлинного искусства неразделимы с судьбами революции, что новое искусство, действительно служащее миллионам, будет высоко идейным, глубоко проникающим в жизнь, утверждающим «братство, к которому ведет мир пролетариат путем социализма», Луначарский бережно отмечал каждый росток такого искусства. Крылатости стали его слова: «Если революция может дать искусству душу, то искусство может дать революции ее уста».

Не обходилось без ошибок. Порою Луначарский бывал снисходительным, — так он на какое-то время отнесся, например, к автотомистским тенденциям Пролеткульту, к «бомбометательству» футуристов в первые годы Советской власти, за что его критиковал Ленин. Но эта снисходительность не имела ничего общего с тем, что пытаются приписать Луначарскому любители изображать его «либералом среди коммунистов», тогда как всем из-